

18+

Сергей Семипядный

Маленькие и неприметные-2

В кольце смерти

Сергей Семипядный

**Маленькие и неприметные
— 2. В кольце смерти**

«Издательские решения»

Семипядный С.

Маленькие и неприметные — 2. В кольце смерти /
С. Семипядный — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741537-2

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** По просьбе Марины Бояркиной Дмитрий Подлесный
готовится организовать фиктивное покушение на предпринимателя
Бронова. Однако вскоре происходит покушение на жизнь предпринимателя
настоящее, с человеческими жертвами. А потом Бронова и вообще убивают.
И Подлесный, оказавшийся для кого-то подозреваемым, а для кого-то
опасным свидетелем, которого необходимо срочно «убрать», вынужден
заниматься расследованием совершённых преступлений.

ISBN 978-5-44-741537-2

© Семипядный С.
© Издательские решения

Содержание

ВИЗИТ ДАМЫ, ИЛИ НУ, НАЧАЛОСЬ...	6
ФАС, АНФАС И СБИТЫЕ КУЛАКИ	9
ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ САМОЗВАНЦЕМ?	13
НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНУЮ НЕ ОТМЕНЯЕТ	18
ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ ИМЕЕТ ПРАВО ОЖИДАТЬ	27
НЕПРИЯТНОСТЕЙ	
И ПЛОХОЙ МИР ЛУЧШЕ ХОРОШЕЙ ССОРЫ. ПОЛЕЗНЕЙ	31
ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ НЕУДАВШЕЙСЯ РОКИРОВКИ	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Маленькие и неприметные — 2 В кольце смерти

Сергей Семипядный

Дизайнер обложки Сергей Семипядный

© Сергей Семипядный, 2026

© Сергей Семипядный, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-4474-1537-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВИЗИТ ДАМЫ, ИЛИ НУ, НАЧАЛОСЬ...

Позвонила Бояркина и сообщила, что через тридцать — сорок минут будет у него. Подлесный прокашлялся и открыл рот:

— А-а...

Но Бояркина уже прервала разговор, бросив трубку.

А что, собственно, ей надо? Дмитрий Подлесный, поправив подушку, лёг повыше и окинул комнату придирчивым взглядом. Довольно чисто, но убого, на подоконнике и люстре — пыль. А в кухонной раковине грязная посуда мокнет.

— Ладно, сейчас, — скривился Подлесный и прикрыл глаза. — Пять минут — мои.

А как на душе-то мусорно и муторно! К нам едет... Как раз что-то из этой оперы снилось ему сегодня ночью. Лицо как-то смазалось, но остальное и теперь ещё можно рассмотреть — разрешительная способность кадров ночной оргии виртуального свойства достаточно высока. Однако вспомнился пустой холодильник и то, что совсем нет денег.

А долги — есть. И за квартиру не плачено уже два месяца. Семь дней назад он выторговал у хозяйки отсрочку аж на десять дней, однако неделя уже минула, отстегнув от десяти дней отсрочки целых семь.

Перебивая посуду, он обнаружил, что ожидает прихода Бояркиной с почти что радостным нетерпением, и в ярости швырнул тарелку в стену. Пришлось отодвигать тумбовый стол и выковыривать из-за него осколки, а также и иной мусор, попавший туда ранее. А если бы чуть левее, то не было бы необходимости мебель ворочать и тревожить залежи плесневелого хлама.

Бояркина заявила с двумя пакетами, наполненными жратвой, и прямо в туфлях прошла на кухню.

— Ой да у тебя и чисто, — удивилась она. — А я и не разулась даже.

— Ну так разуйся, — пожал плечами Подлесный, потом сходил за тапочками и бросил их к ногам гостьи.

Бояркина, занятая извлечением съестного из пакетов, внимания на тапочки не обратила. Дмитрий, засмотревшийся на укрытые тонкой тканью платья подпружиненные трусики ягодицы её, о тапочках забыл.

— А вот и водочка. «Кремлёвская», — радостно сообщила Бояркина и, покачивая бутылкой, обернулась к Подлесному. — Сейчас выпьем и за Кремль, и за деньги.

Подлесный нахмурился, но ничего не сказал.

— Ты почему всё молчишь? — с наигранным удивлением спросила Бояркина.

— Чего ты хочешь? — усмехнулся Подлесный.

— Чего хочу? Да в гости к тебе зашла. А ты стоишь пнём. С улыбочкой на роже. Только это и не улыбка вовсе, а какие-то предсмертные судороги лицевые. Проезжала мимо... Ну! Чего ты? Ну а если и дело у меня к тебе — что? Да, имеется дельце для тебя, небольшая халтурка. Надеюсь, не откажешь по старой памяти. Но о делах — потом. Давай, Диман, прояви себя хозяином. Кстати, за квартиру я заплатила.

— Кто тебя просил? — нахмурился Дмитрий.

— Никто не просил, — дёрнула головой Марина Бояркина и улыбнулась Подлесному. — Просто подумала, что, возможно, у тебя сейчас материальные трудности, и позвонила хозяйке. А потом заплатила. Не будем же мы с тобой из-за этого ссориться.

— Понятно, — с горькой усмешкой проговорил Подлесный.

— Да что тебе понятно? — воскликнула Бояркина. — Всё ему уже и понятно, видите ли!

— Да, всё. И я тебе сразу — нет и нет. И ещё раз нет!

Дмитрий Подлесный повернулся и вышел из кухни. Заплатила за квартиру, накупила продуктов, взяла водки и — к нему. Какие тут ещё могут быть вопросы? Дельце, понимаете ли,

у неё! Известно, какие у неё могут быть дела к нему. И добра от них не жди. Рано или поздно подведёт она его под монастырь. Или куда похуже. И ведь не только квартира, жратва и водка — ещё и флиртообразные вибрации! Он не слепой — видит, тем более что уж кого-кого, а свою, в прошлом, гражданскую жену Марину Бояркину Дмитрий Подлесный знает и чувствует в этом плане вполне конкретно. И все эти штучки, всю систему сигнальных механизмов он за годы их совместного проживания изучил очень хорошо.

Однако любовь — болезнь не заразная. Она не заразит его, не удастся ей. Тем более что это и не любовь с её стороны вовсе, а нечто прямо противоположное. Если хотя бы это можно было классифицировать как ностальгический реверанс... Если бы она, припомнив всё то хорошее, что... Но об этом и думать не следует. Специфический акт делового общения — вот чем является для таких, как она, то, что могло бы произойти, не будь он столь решителен и непреклонен. А она специально водочки прикупила, понимая прекрасно, что мужчина, когда переберёт, может стать лёгкой добычей женщины.

Дмитрий включил телевизор и продолжал размышлять в прежнем направлении, не обращая внимания на события в стране и мире, о которых стремился поведать ему диктор. Прошло не менее пяти минут, когда Подлесный вдруг заметил, что никаких звуков из кухни не доносится. Может, Маринка ушла? Однако скрипучая входная дверь поставила бы об этом в известность не только его, но и соседей по лестничной площадке.

Подлесный подошёл к телевизору и убавил звук. Прислушался. Нет, Бояркина всё-таки по-прежнему там. Но что она делает? Дмитрий взял с телевизора давнишний номер «АиФ» и принялся неторопливо листать. В поисках материала, который в данный момент мог бы его заинтересовать.

Спустя несколько минут Подлесный бросил газету на стол и отправился на кухню.

— Пришёл? — тепло улыбнулась ему Бояркина. Она сидела за столом, в правой руке её была рюмка. — А я тут в одиночку, как заправская пьяница.

На столе — огурчики, колбаска, сыр, селёдка. Всё порезано и уложено на тарелочки. Огурчики — на одну, аккуратные кружочки колбасы — на вторую, сыр и селёдка — на третью и четвёртую. Зачем? Зачем столько тарелок пачкать?

— Я, знаешь, проголодалась, — с трагическим вздохом продолжила Марина. — Это ничего, что я тут перекушу у тебя?

Дмитрий не сразу нашёлся, что ей ответить.

— Хорошо, — наконец выдал он из себя, — перекусывай и мотай. И будем считать, что разговор, ради которого ты всё это затеяла, уже состоялся.

— Но ты даже не выслушал меня. А ведь и нужно-то всего лишь имитировать покушение. Ты уже проделывал такое, и не один раз.

— Опять ты за свои штучки! Я не хочу и не буду ничем подобным заниматься!

— И это окончательное твоё решение? — ставя рюмку на стол, поинтересовалась Бояркина.

— Да.

— Ну что ж. Думала, тебе деньги нужны. Нет? — Бояркина с сожалением обвела взглядом стол. — Думала, посидим, выпьем, с деньгами тебе помогу. Работа не пыльная, а деньги приличные.

— Сколько? — задал вопрос Подлесный.

— Пять. Америкэн, естественно.

— Почему так много? — насторожённо прищурился Дмитрий. — Что-то тут, я смотрю...

— Да просто он известен как густой даместос или порошок «Дося». И ездит с телохранителями. Человек он большой, как ты понимаешь.

— Значит, я понарошку, так сказать, а его псы из меня решето сделают по полной программе и в натуральную величину, — покивал Подлесный.

— А голова тебе на что? — ободряюще улыбнулась Марина. — Ищите, думайте, пробуйте. Или как там?

— И тебе не жалко такой суммы? — с недоверием произнёс Подлесный. — На какую же в таком случае сумму ты его раскрутить собираешься?

— Не задавай лишних вопросов, — посоветовала Бояркина и протянула ему до краёв наполненную водкой рюмку. — Давай за успех.

— Разве я уже дал согласие? — удивился Дмитрий.

Бояркина пожала плечами.

— Тогда давай за встречу. Я ведь, если откажешься, другого человека найду. А денежки мимо тебя уплывут, дорогой. Потом локти кусать будешь. А деньги могла бы хоть сейчас выплатить.

— Шас, прям, вынула бы из кармана и отслонила? Всю сумму?

— Да, всю. Но не из кармана, а из сумочки. И «слонить» нет необходимости, так как именно эта сумма, пять тысяч, и заготовлена.

Дмитрий Подлесный выпил и закусил. А может быть, согласиться? И решить таким образом основные свои проблемы? Ведь жить-то на что-то надо. А тут как на блюдечке — выполняй и получай. Точнее, получай и выполняй. Уже сегодня он может взять какую-нибудь сотню баксов и... Сегодня?

Дмитрий посмотрел на Марину. Она сидела, устало облокотившись на стол, и глядела в окно. Бояркина в декольтированном бледно-зелёном платье, и лапка морщинок меж грудей вдруг показалась Подлесному знакомой и родной, а соски её грудей — он всё ещё не забыл ни правого, ни левого — неожиданно, как живые, встали перед его глазами. Они, и тот, и другой, так любят прикосновения мужских рук и губ. Дмитрия передёрнуло. Шлюха! Уж лучше купить проститутку, чем с этой. После того, как они расстались, наверное, столько раз чужие руки, губы... Хотя и раньше... Подлесный с ненавистью и презрением окинул взглядом Бояркину. И Бояркина вдруг резко повернула голову в его сторону.

— Ты ненавидишь меня? — спросила она. А может, и не спросила, а констатировала.

Подлесный, не ответив, взял бутылку и наполнил обе рюмки. Молча выпили. Дмитрий мысленно усмехнулся. Усмехнулся своим решительным мыслям о том, что у Маринки не получится увидеть его слабость. Он будет холоден и неподвижен, как скала. Никаких движений! Она никогда не увидит, как он, управляемый биологическими импульсами, целует и лижет её поганые телеса.

А может, он ошибается? Может быть, она отнюдь не желает близости? Она явилась по делу, ей важно добиться желаемого результата. Он даст согласие на организацию покушения, она бросит на стол деньги и уйдёт.

— Не похоже, что у тебя кто-то есть, — высказалась Бояркина.

Подлесный сделал удивлённое лицо.

— С чего так решила? И почему тебя это волнует?

— Да нет, я так, — повела плечами Марина. И задумчивый и загадочный взгляд устремила за окно.

Дмитрий вновь разлил водку. Выпить и принять решение. Но — какое? И вообще, не лучше ли делать выбор в трезвом состоянии? И Дмитрий порывисто отодвинул рюмку.

— Вот это правильно. Молодец! — Марина ласково похлопала его по руке, после чего поднялась и вышла.

Подлесный недоумённо посмотрел ей вслед.

— Ты куда?

Оказалось, в ванную.

ФАС, АНФАС И СБИТЫЕ КУЛАКИ

В охранники Бол пришёл из бандитов. Он был рядовым членом группировки, «пушечным мясом», «быком». Бандитом он стал в начале девяностых, в те времена, когда в бандюки шли не по призванию, как раньше, а из-за денег. Бол хотел иметь деньги, так как быть безденежным в те годы уже считалось позорным, запаadlo считалось не иметь бабки и не уметь их сделать.

А его друзья-боксёры уже были при деньгах, они игнорировали соревнования, но довольно регулярно посещали тренировки, где особый упор делали на отработку ударов. Выяснилось, что они уже не первый месяц являются членами команды рэкетиров, руководит которой Лялин, в недалёком прошлом работавший в спортивном клубе буфетчиком (сам себя он называл барменом) и уволенный по подозрению в краже нескольких тысяч из кассы буфета.

И однажды Бол поехал на «стрелку» — численность нужна была, а он уже намекал приятелям, что, мол, если что, то он может. Ему дали гранату, из которой хотелось выдернуть чеку и куда-нибудь бросить (не в людей, конечно). Но выдёргивать и бросать не пришлось — «стрелка» прошла мирно. И потом всё шло почти бескровно, достаточно было, преимущественно, суровой рожи, ну, может, разбить что-нибудь. Взять килограммовую гирьку с весов и шархнуть по витрине.

А потом стало известно, что Федика убили и где-то закопали. По приказу Лялина и кто-то из членов бригады. Мол, должна быть в бригаде дисциплина, железная. Дисциплина? Ладно. Разгильдяем или бунтарём Бол никогда не был. Но вскоре выдали зарплату, точнее, «на жизнь» это называлось, а слово «зарплата» было не в ходу. Сумма «нажизни» оказалась более чем скромной, следующая, которая случилась спустя полтора месяца, — ещё скромнее. И вскоре Бол вместе с другими рядовыми «быками» подрабатывал кражами, грабежами и разбоями. А Лялин уже ездил на «БМВ» и строил дом, на шее его красовался огромных размеров золотой крест.

Потом пришли времена бандитских войн, и на одной из «стрелок» их «сделали». Автоматными очередями и взрывами нескольких гранат. Половина бригады выбыла из строя — кто в больницу попал, а кто и в морг. Чудом уцелевшего Бола трясло двое суток. Когда Бола посадили за разбой, он был даже рад данному обстоятельству, потому что едва ли не каждый день в тюрьму с воли приходили удручающие новости: то этого убили, то тот куда-то пропал, то третьего (труп) нашли.

Однако родители продали машину и добились его освобождения под залог. Чтобы в дальнейшем получить наказание условно с испытательным сроком, требовались деньги на взятку, и Бол вернулся в бригаду, наполовину обновлённую свежим «мясом». Ему дали кредит на взятку и свели с адвокатом, который имел выходы на судей. Условного он добился, но из долгов не мог выбраться более года — куда уж с его «нажизнью» простого «быка». А тут ещё наехали на не того. И — огромный штраф.

Снова долги почти на целый год.

А потом Бол переквалифицировался в охранники. Сначала на рынке топтался, затем сменил ещё несколько мест, и теперь, на исходе девяностых, оказался в СНК — Среднерусской нефтяной компании. Приличная зарплата и спокойная размеренная жизнь. Бол был доволен и работой своей дорожил. Поэтому, заступая на вахту, — он охранял дом генерального в Сергиевом Посаде, — Бол всякий раз настраивал себя на добросовестное несение службы.

И он первым обратил внимание на стоявшую на пригорке «восьмёрку» серого цвета.

— Вон та мышка, — тронув за плечо своего напарника, сказал Бол, — уже часа два стоит там. А водила сидит за рулём и никуда не уходит. К чему бы это, спрашивается?

Его напарник по имени Вова, когда-то охранявший дачу Язова и любивший рассказывать, как играл с маршалом в бильярд, беспечно пожал плечами.

— Ну и что? Стоит и стоит. До неё не меньше сотни метров.

— Но обзор-то оттуда более чем идеальный.

— И что ты предлагаешь?

— Возникшие вопросы надо снять, — ответил Бол.

Кто-то прикоснулся к левому плечу Подлесного. Дмитрий повернул голову влево и едва не вскрикнул от неожиданности. В двадцати сантиметрах от него находилось лицо неизвестного человека. Подлесный не издал ни звука, потому, вероятно, что крик застрял в горле. Однако он отшатнулся от окна, а руки его непроизвольно взметнулись вверх.

— Испугался, родимый? — ухмыльнулся зловеще этот неведомый откуда взявшийся шутник. — Вижу, что испугался. А почему? — Голова незнакомца подалась вперёд и более чем наполовину оказалась в салоне автомобиля. — Испугался-то почему, спрашиваю?

— Так от неожиданности же, — промямлил Подлесный.

— Ладно, пошли, — распорядился парень и открыл дверцу.

— Куда?

— Зарегистрироваться надо.

— Зарегистрироваться? Что это значит? — пробовал сопротивляться Подлесный.

— Пошли-пошли, — парень ухватил Дмитрия за предплечье и рывком выдернул наружу.

— Да в чём дело?! Куда ты меня тащишь? — возмутился Подлесный.

— Я уже сказал. И не ерпенься. Во избежание.

Спустя несколько минут Подлесный был уже на третьем этаже сторожевой башни особняка, за которым он вёл наблюдение в целях выполнения порученного ему Бояркиной заказа. И состоялся допрос с пристрастием, ибо наспех придуманная Дмитрием легенда о намерении продать машину и назначенной в связи с этим встрече с потенциальным покупателем оказалась пленившему Дмитрия охраннику с внешностью и повадками уголовного не достаточно убедительной.

Подлесный долго не подходил к надрывавшемуся телефону, наконец не выдержал и снял трубку.

— Да, — буркнул, стискивая зубы.

— Как успехи? — не поздоровавшись даже, задала вопрос Бояркина.

— Привет, — ответил Подлесный.

— Да-да, привет и здравствуй. Тут всё ясно. А каковы успехи, Диман?

— А пошла ты со всеми со своими!.. — Дмитрий швырнул телефонную трубку, а потом и вообще аппарат отключил.

Вскоре Бояркина была уже у него.

— Что за фокусы?! Почему себе позволяешь?! Вынуждена бросать все дела и мчаться сюда!

Подлесный слушал её с выражением совершеннейшего безразличия на лице, затем дёрнул подбородком в направлении стола.

— Вон они! Забирай деньги и сваливай! А я отказываюсь! Часть потратил — верну позднее.

— Что?! — выпучила глаза Бояркина. — Сожрал столько времени, денег, наверно, не меньше тыщи профукал, а теперь!.. — Бояркина задохнулась от возмущения.

— На! Смотри! — воспользовавшись паузой, выкрикнул Дмитрий и распахнул халат. — Как? Мало? — Он высвободил руки из рукавов, и халат упал на пол. — Можешь взглянуть и на анфас!

Бояркина, только что не без изумления рассматривавшая гематому на животе и груди Подлесного размером в пару подошв увесистого башмака приличного размера, увидела спину отвернувшегося от неё Дмитрия и невольно вскрикнула:

— Ой! Диман! Что случилось?

— Что! Деньги твои вонючие отработывал! — дёрнулся, оборачиваясь к собеседнице, Дмитрий и застонал от боли: — Ы-ы-ы! Ч-чёрт! Я как чувствовал! Я знал, что с тобой связываться нельзя!

— Кто тебя так, Диман? Бедненький! — сочувственным голосом заговорила Бояркина. — Это ж надо! Ну и звери же! Кто ж это? Кто зверствовал-то, Димчик?

— Да псы этого козла! Урки натуральные! Отмороженные совершенно. Мог бы, сволота, и попримечнее себе людишек набрать. А не всякую шваль уголовную.

— Димчик, ты что-то путаешь. У него гэбэшная крыша.

— Ну да. Особенно один. Который весь в шрамах. Он, наверно, с малолеток по зонам шляется.

— Хорошо, я подумаю, — после паузы сказала Бояркина.

Думала она сутки. А потом позвонила Подлесному и сообщила, что наклёвывается интересный вариант. Бояркина поведала, что имеется возможность направить его на курсы телохранителей с перспективой устроить на работу к самому Бронову — гендиректору СНК.

Подлесный был поражён.

— В самом деле? Как тебе это удалось? Точнее, на что рассчитываешь?

— Я, между прочим, не без связей девушка, — кратко ответила Бояркина. — Ты говори, согласен или нет.

Подлесный вынужден был согласиться.

Спустя два дня Дмитрий уже бегал по подмосковному лесу. И не только бегал. Он ползал и прыгал. Прыгал не только на ногах, но и на руках, волоча ноги. А сколько раз в день (в сутки, правильнее сказать, так как учебные занятия каждый день длились не менее шестнадцати часов) приходилось отжиматься на кулаках — не сосчитать. И опять бег, и снова спецназовские прыжки с приседаниями, а затем гуськом или ползком. Впрочем, ползком — это ещё куда ни шло. Быстро-быстро сучишь ножонками и передвигаешь ручки, а потом на целую секунду, а то и две припадёшь к земле (к Земле!) и вдохнёшь целительный запах хвои деревьев и смолистых корней их. И снова — вперёд. Чтобы бегать, отжиматься и заниматься форсированной зарядкой.

А потом — теоретические занятия, на которых спать категорически воспрещается. Один задремал — отжимаются на давно уже в кровь сбитых кулачках все. Или бегут трёхкилометровую дистанцию по пересечённой местности. Настолько пересечённой, что порою носы и подбородки едва не касаются разрытой берцами земли. И всё потому, что, кроме преподавателя, на занятиях постоянно присутствует инструктор, которому скучно и одиноко в затхло-замкнутой атмосфере аудитории.

Впрочем, не на каждом теоретическом занятии возможно задремать. А вот потерять сознание — возможно. Что и произошло с одним из бывших соборовцев, когда один из «теоретиков» живописал, какие травмы могут быть причинены вследствие применения взрывчатых веществ, огнестрельного оружия, холодного оружия, отравляющих веществ, всяческих подручных средств, а также рук и ног виртуозов рукопашного боя. «Теоретик», обладавший выразительной мимикой и красноречиво жестикулировавший, в тот момент, когда все слуша-

тели уже были на грани нервного срыва, вдруг сделал паузу, а затем ткнул пальцем в бывшего собровца Дениса, который сидел рядом с Подлесным, и сказал:

— А в позапрошлом выпуске на этом месте сидел господин по имени Тюдьков, который, не дослушав лекцию, упал в обморок и едва не помер! — И неожиданно закричал, без всякого перехода: — Выведите, выведите его!

Подлесный взглянул на соседа и обомлел — рядом с ним сидел бледно-синий покойник с широко распахнутыми глазами. Дмитрий подхватил бывшего собровца под руки и поволок к выходу.

Когда в умывальнике Подлесный привёл пострадавшего в чувство, Денис уставился на Дмитрия благодарным взглядом и залепетал:

— Ты спас меня. Спасибо, дружище. Ты спас, спас меня, друг! Я был уже там, я уже видел... А теперь уже снова тут. Спасибо, друг! Спасибо тебе! Век не забуду!

По окончании десятидневных курсов Подлесный, буквально спустя пару дней, был принят на работу в службу безопасности Среднерусской нефтяной компании. Начались трудовые будни по охране офиса на Мясницкой.

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ САМОЗВАНЦЕМ?

В почтовом ящике Подлесный обнаружил записку от Бояркиной. Марина сообщала, что будет ждать его завтра в двенадцать часов в кафе напротив её офиса для окончательного расчёта. Дмитрий очень удивился. Во-первых, работу он ещё не выполнил, во-вторых, деньги он получил в полном объёме. Или, может быть, Бояркина желает уменьшить сумму вознаграждения, отобрав у него часть денег?

Дома Бояркиной не оказалось. Подлесный набрал номер её мобильного телефона.

— Да, я слушаю, — отозвалась Бояркина. Голос её звучал тепло и радостно, как всегда, когда ей, только что поднёсшей трубку к уху, ещё не было известно, что звонит ей не драгоценный клиент, а всего-навсего надоевший бывший сожитель.

— Это всего лишь я, так что не напрягайся зря, — мрачно сказал Дмитрий. — Зачем хотела встретиться?

— В каком смысле «не напрягайся»? — не поняла Бояркина.

— Голосок можешь, говорю, не напрягать — не с денежным мешком разговариваешь. И не с кем-то ещё в том же духе.

— Переживаешь? — сочувственным голосом спросила Бояркина.

— С чего ты взяла?

— Чувствуется по голосу. Но ты не бери в голову. Получилось даже лучше, чем ожидалось. И поэтому тебе — премия. Для этого я и пригласила тебя. Так что обязательно приходи завтра. Он всё ещё не может прийти в себя от пережитого ужаса. Но это не телефонный разговор. Так что получай премию и отдыхай. Махни куда-нибудь, где море и песочек, и оттянись как следует. Вариантик ты выбрал, конечно, больно крутенький. Не ожидала, честно признаюсь. Договорились? Пока, Диман-уркаган.

— Пока, — растерянно ответил Подлесный.

Он ничего не понимал. Бояркина предлагает ему «отдыхать». И говорит, что завтра окончательный расчёт. Премия. Ему. А за что? «Получилось лучше, чем ожидалось», «не может прийти в себя от ужаса». А это что означает? Получается, на Бронова совершено покушение. Выходит, кто-то хотел убить Бронова, но тот остался жив, хотя и струхнул малость. Что же делать? Позвонить сейчас Бояркиной и сказать, что он тут ни при чём? Глупо. Маринка такая профура, что способна не только премию заныкать, но и основной гонорар потребовать обратно. Оплатит хлопоты по государственным, как говорится, расценкам и гуляй Вася.

Да нет, не следует быть таким дураком. Кто-то сделал дело за него. И слава Богу! А Бояркина решила, что это он. Прекрасно. Заказные убийства, как правило, не раскрываются. Поэтому на девяносто с лишним, вероятно, процентов никто никогда не узнает, что... В смысле Бояркина никогда не узнает, что он не стрелял в Бронова. А может, Бронова не обстреляли, а каким-либо иным способом собирались отправить на тот свет? Вывод: в разговоре с Маринкой следует быть осторожным. И не болтать лишнего.

Бояркина ожидала за накрытым столиком. Явилась раньше Подлесного и заказала по салату из кальмаров, а также две порции салата из помидоров и огурцов и бутылку вина германского производства.

— Привет! — поздоровалась она и указала на бутылку. — Разливай! Сейчас нам по эскалопику принесут. Тебе надо расслабиться. Если хочешь, можно и более радикальненького заказать чего-нибудь.

— Водку имеешь в виду? Я же за рулём.

— Ерунда. Здесь можно машину оставить. Или я за руль могу сесть. Меня нюхать не будут, думаю.

— Не надо водку, — махнул рукой Подлесный.

Бояркина не стала возражать, обронив:

— Смотри. Не надо, значит, не надо. А вот тебе ещё две штуки.

Она вынула из сумочки не запечатанный конверт и положила его перед Дмитрием.

— Две... тысячи? — удивился Подлесный и заглянул в конверт. И в самом деле, не меньше, пожалуй, чем две тысячи баксов. Что-то расщедрилась Маринка. Что это нашло на неё? Дмитрий поднял глаза на Бояркину и спросил: — Я могу это положить в карман?

Та пожала плечами и улыбнулась.

— Да хоть в карман, хоть... ещё куда. Это уж твоё дело. И не переживай. В жизни всякое бывает. Тем более что времена сейчас такие. А то возьми да и дай на строительство какого-нибудь храма по сотне долларов за каждого.

— За каждую? — переспросил Подлесный. — В смысле, ты хочешь сказать, с каждой?

— За каждого, за каждую, с каждой — какая разница? Лишь бы душа у тебя не болела. Так ведь? — Марина положила свою руку на руку Дмитрия и заглянула ему в глаза. — Зато получилось более чем убедительно. Кстати, кто второй с тобой был?

Подлесный не без удивления взглянул на Бояркину.

— Хорошо-хорошо, — быстро сказала Марина. — Не хочешь говорить — не надо. Только попрошу, чтобы и он, твой помощник... Ну, чтобы обо мне — ни слова. Ты понимаешь? Я ничего не знаю о нём, он — обо мне. Согласен? Надеюсь, не трепал лишнего? Я даже не спрашиваю, на ком кровь этих несчастных, но уверена, что на нём, а не на тебе. Но не будем об этом, — перебила она сама себя, увидев, как изменилось выражение лица Подлесного при последних её словах. — Согласна. Меня, соглашусь, это не касается.

Дмитрий был в растерянности. Это что же получается? При покушении на Бронова кого-то ранили? Убили? «По сотне долларов за каждого». Пострадавших двое или больше? Телохранители пострадали? Или посторонние, может? И почему он не позвонил в контору? Предлог-то уж можно было найти. Нет знакомых в этой смене? Ну и плевать. Спросил бы, как дела, что новенького. И, возможно, что-нибудь узнал бы. И телевизор не посмотрел, приняв две соточки и расслабившись.

Дмитрий взял фужер с вином и махом осушил его.

— Правильно, — кивнула Бояркина, поднимая свой фужер, — чокаться не стоит.

«Не стоит чокаться!» Маринка сказала: «Не стоит чокаться!» Вот так да! Значит, имеются убитые! Один убитый, по меньшей мере. За это и премия. За то, что покушение, которое якобы организовал он, благодаря жертвам его представляется Бояркиной очень убедительно выглядящим.

— Диман, на тебе лица нет! Да перестань ты убиваться! — успокаивала Бояркина «киллера». — Давай ещё по одной. Опять не чокайся. За второго.

Значит, их двое! Или больше? И третью тоже «не чокайся»?

— И сколько же мы будем пить не чокаясь? — с неожиданной даже для самого себя злобой спросил Дмитрий.

— Третий, сказали, выживет, вроде как. Хотя и в реанимации пока. Но ты не злись на меня. Если не хочешь, то и вообще за них пить не будем. Ведь я же не настаиваю. Просто подумала... — Марина на секунду замолчала, а затем бодрым голосом заявила: — Впрочем, им за это, за риск, деньги платят. Это их работа — жизнью за хозяина рисковать. Телохранитель — лицо риска.

Теперь Подлесному было известно если и не всё, то многое. Основные обстоятельства ему были теперь известны. Киллеров было двое. Пострадавших — трое, двое из которых погибли, а третий находится в больнице. Что же предпринять? Или пускай идёт как идёт?

Принесли эскалопы с жареным картофелем.

— Давай есть, — предложила Бояркина. — Это салаты — ладно, а картошка быстро остынет. И станет невкусной. Я терпеть не могу холодную картошку. Если варёная, то ещё можно, она и холодная — ничего. Давай ещё выпьем.

Бояркина всё болтала и болтала, а Подлесный всё думал и решал, пока изрядно не опьянел. Заметив, что опьянел, он собрался ехать домой и сказал об этом Бояркиной.

— Ты спешишь? — Марина, также захмелевшая, кокетливо и обиженно надула губки. — И не хочешь продолжения вечера? А я думала... Ну, трахну, думала, тебя сегодня.

— Нет, мне надо идти! — Подлесный поднялся на ноги. Бояркина ухватила его за руку.

— Диманчик, ты что? Куда ты? А?

— Нет, я сегодня... не в форме! — Дмитрий попробовал высвободить свою руку из руки Марины, но та ещё крепче сжала пальцы. — Отпусти! Маринка, мне пора.

— Диман, ну ты чего? — тянула Марина. — Да ты не бойся, милый, сегодня я не буду кусаться. Зато сделаю всё остальное, — добавила вкрадчиво и высунула кончик языка.

— Нет-нет, извини, — вновь отказался Дмитрий.

Бояркина отпустила его руку и откинулась на спинку стула. В один миг она изменилась до неузнаваемости.

— Ладно, иди, — процедила сквозь зубы. — Проваливай! Хотела ещё раз снизить. Ну-ну!

— Зря ты так, — попытался смягчить ситуацию Подлесный.

— Пошёл! — брезгливо сморщилась Бояркина.

«Ленд Ровер Дискавери», легко взобравшись на тротуар, остановился возле подъезда, и из джипа выскочил Таласбаев. Он привычно прошёлся пальцами по кнопкам замка и спустя секунду скрылся за дверью. Пронченко и Пикунов, оставшиеся вместе с водителем в автомобиле, оглядели двор, но чего-либо подозрительного, что могло бы их насторожить, не обнаружили. Двое молодых мам с детишками, три старушки у соседнего подъезда да двое бродяг возле мусорных баков.

И оба телохранителя стали ожидать возвращения товарища, тупо уставившись на закрывающуюся за ним дверь. Пронченко и Пикунов знали, сколько требуется времени, чтобы выяснить, нет ли угрозы жизни охраняемых лиц. Минуты три — четыре.

Однако прошло пять минут, а они всё ожидали появления Таласбаева. Молча и не глядя друг на друга. Минуло ещё полминуты, и чёрные, сросшиеся на переносице, брови Пронченко произвольно поползли вверх. Повертев головой, он повторно осмотрел двор, но чего-либо примечательного не обнаружил. Вот только бродяги у мусорных контейнеров...

Да, что-то в их внешности заставило Пронченко вновь возвратиться к ним взглядом и посмотреть на них попристальнее. Бичи бичами, бомжи и бомжи натуральные, в грязном рванье и небритые, — не люди, а хлам, отбросы и мусор. Мусор, который принято не замечать, обходить стороной, в случае же крайней необходимости брезгливо отшвырнуть с дороги и забыть.

Пронченко выразительно скривил лицо, а затем обратился к коллеге:

— Если не ошибаюсь, не меньше шести минут наступало.

Пикунов поморщился.

— Не суетись. Мы же налегке.

— Пока. А обратно?

— Ты же знаешь, что Бай — ярый процессуалист. Ходит и нюхает. Запах не понравился — он во второй раз... Независимо от того, с кем мы прибыли, одни или с шефом.

Пронченко, терзаемый неясного происхождения тревожными сомнениями, возразил:

— И правильно делает. Так положено. Но если он так долго, то значит, как ты сам понимаешь...

— Да ладно тебе, — беспечно перебил его Пикунов и расслабленно откинулся на спинку кресла. — А может, Оксана уже готова, и он решил её дожидаться. Не терпится — считай до десяти, и дверь откроется.

Пронченко, воспользуясь он советом Пикунова, успел бы и до пятидесяти досчитать, а Таласбаев по-прежнему не объявился. И Пронченко со значением поглядел на Пикунова.

— Окей, — вздохнул тот и завозился, намереваясь выбраться из джипа.

— Давай я сам, — попытался остановить его Пронченко.

— Сиди! — недовольно буркнул Пикунов и толкнул Пронченко локтём.

Мрачно глядя себе под ноги, он шёл к подъезду и изошрялся в сквернословии. Один куда-то запропал, второй панику поднял и разохался, как баба. Кудахчет и кудахчет. А ты тут тащись сейчас по жаре чёрт знает куда и зачем. Пикунов вызвал лифт и скоро уже был на четвёртом этаже. А где этот паршивец Таласбаев? Пикунов лестницей поднялся на пятый. Не обнаружив там Таласбаева, снова выругался, теперь уже практически вслух, и побрёл вниз.

На площадке между третьим и четвёртым этажами Пикунов увидел сидящего на корточках, спиной к нему, человека и торопливо сунул руку за борт пиджака, чтобы быть готовым обнажить ствол.

— Бай? — узнал он коллегу. — Ты какого тут расселся? Ты чего тут ковыряешься?

Таласбаев и в самом деле «ковырялся». Пикунов выразился достаточно верно. Перед сидящим на корточках Таласбаевым был чёрный полиэтиленовый пакет с мусором, из которого тот боязливо вынимал банановые очистки. Кроме шкурок от бананов перед ним, по обе стороны от пакета, уже находились жестяные баночки из-под рыбных консервов, несколько бутылок из-под пива, картофельные очистки, ещё что-то в таком же роде.

— Коллега, ты случаем умишком не тронулся? От жары-то, — растерянно улыбнулся Пикунов.

— Это у тебя от жары мозги потекли, — коротко обернувшись к Пикунову, парировал Таласбаев.

— Бай, что стряслось? — насторожился тот.

— Возле двери квартиры стояло, — ответил Бай.

— Мешок с мусором?

— Он самый.

— Но... — Пикунов почесал в затылке. — Какой-нибудь козёл ленивый...

Таласбаев поднялся с корточек, с усмешкой посмотрел на коллегу, а затем кивнул на пакет с отходами.

— Иди послушай.

— Да ты что?! — Пикунов неосознанно отшатнулся назад. — И ты суёшь туда свои грабки?! У квартиры стоял, а ты сюда перетащил?! Да тебе жить наплевать! Послушай, Бай, пускай-ка специалисты тут ковыряются, а не мы с тобой, которые жить хотят. Там тикает, что ли?

— Да. И довольно отчётливо.

— Бай, ты меня удивляешь, — пожал плечами Пикунов. — Тебе известно, сколько там осталось? Известно? Час, сутки или секунда? А может, всего мгновение, такое коротенькое, что я и договорить-то не успею?

— Всё возможно.

— Не-е-е, — помотал головой Пикунов, — ты как знаешь, а я пошёл звонить.

— Хорошо-хорошо, давай, — не стал возражать Таласбаев. — А я всё же гляну, чтобы убедиться.

— И что это даст тебе, по потолку разбрызганному? Зачем тебе надо это будет?

Таласбаев, не сочтя нужным ответить на насмешливую реплику Пикунова, вновь присел перед чёрным пакетом. Пикунов же поспешил убраться прочь от опасного места. Выбегая из подъезда, он тыльной стороной руки коснулся лба и обнаружил холодную испарину. В такую-то жару — холодный пот. Встревоженный, он даже не сразу понял, что происходит во дворе. Переволнованный, он с некоторой задержкой заметил, что оказался неожиданно в иной реальности. Не в тихом и спокойном дворике, где дети и старушки, а в условиях дворового побоища, где звучат придушенные глушителями выстрелы. Пикунов словно на стену наткнулся, затем начал пятиться назад, растерянно таращась на двух киллеров, которые совсем недавно ещё были небритыми бродягами и грязными бомжами, а теперь убивали Пронченко и водителя. Рухнувшего лицом на рулевое колесо водителя Никиту и окровавленного Пронченко, агониально царапающего пальцами асфальт в тщетных попытках забраться под днище автомобиля.

Слабой рукой Пикунов принялся выковыривать из плечевой кобуры оружие, но его уже обнаружили, его увидели киллеры, и два смертельно опасных зрачка пистолетов свирепо глянули ему в лицо. Чёрные, они вот-вот полыхнут смертью. Пикунов зажмурился и, продолжая отступать к двери подъезда, заторопился подготовить своего «Макарова» к стрельбе. И в эту минуту его ударило в плечо и грудь. Пикунов закричал, но скоро выстрелы его громогласного оружия почти заглушили его же собственные вопли. Пискунов кричал от боли и палил, не видя мишеней. Опустошив обойму, он упал, и сознание оставило несчастного.

Теперь Пикунову предстояло получить контрольный выстрел в голову — один из убийц торопливо направился к нему, — однако раздался треск разбиваемого стекла, снова загромыхал пистолет Макарова, тот, что находился у Таласбаева, и убийцы, отстреливаясь, отступили.

Спустя минуту из двери подъезда вывалился едва державшийся на ногах Таласбаев и, споткнувшись о тело Пикунова, рухнул на тротуар.

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНУЮ НЕ ОТМЕНЯЕТ

В комнату отдыха вошёл Миротинский и сообщил Подлесному, что его вызывает генеральный.

— Сейчас смотаешься на «самурае» в одно место и кое-кого притащишь сюда. Ну, или куда сам скажет. — Миротинский многозначительно прищурился.

— Кого притащу? Откуда? — спросил Дмитрий, поднимаясь.

— Иди, шеф объяснит, — отмахнулся Миротинский.

Дойдя до конца коридора, Подлесный взялся за ручку двери, ведущей в приёмную, однако Рябцев, занимавший так называемый пост номер один, остановил его.

— Не туда. Сюда давай.

Подлесный оставил дверную ручку и повернулся на сто восемьдесят градусов. Выходит, шеф ожидает его в задней комнате. Что бы это значило? Взволнованный Дмитрий — он неожиданно ощутил, что ладони его жутко вспотели, — осторожно открыл указанную ему дверь и вошёл. Бронев сидел в кресле, к нему спиной, только макушка со светлой лысинкой торчала, и смотрел по телевизору «Вести».

— Разрешите? — произнёс Подлесный.

Бронев не отозвался. Дмитрий, описав круг, приблизился к генеральному и замер в трёх шагах от оранжевого кожаного кресла с высокими подлокотниками чёрного цвета, затем, не без внутреннего напряжения, поднял взгляд на шефа. Незаметным движением вытер ладонь правой руки о брюки — вдруг генеральный соизволит поздороваться за руку.

— Миротинский сказал, что вы меня вызывали, — проговорил Подлесный.

Бронев разглядывал его задумчивым и усталым взглядом и по-прежнему молчал. Дмитрий чувствовал себя не в своей тарелке. А если Бронев о чём-либо догадывается? Маринка всегда так неосторожна, безалаберна. А если Бронев в курсе, что в охрану к нему Подлесного устроила Бояркина? Зная эту профуру наглуго, эту преподобную Бояркину, такое вполне можно допустить. Этот Бронев, судя по всему, отнюдь не дурак и, конечно же, сопоставив различные обстоятельства, он способен заподозрить, что Подлесный, вновь испечённый охранник, появился не совсем случайно. А если учесть, что произошло это незадолго до покушения, то и вообще... По спине Дмитрия побежали шустрые мурашки.

— Миротинский направил к вам, — повторил Подлесный.

— Да-да, понятно, — покивал Бронев и посмотрел по сторонам, словно хотел выяснить, нет ли поблизости кресла, стула, табуретки, куда можно было бы усадить вошедшего. — Да вот сюда вот и присаживайтесь, — ткнул он пальцем в сторону соседнего кресла, расположенного справа.

Подлесный сел, развернувшись, насколько это было возможно, в направлении Бронева, и произнёс:

— Миротинский говорит, что надо куда-то съездить и кого-то привезти.

— Да. Да-да, именно. Их будет двое. Мужчина и женщина, — приступил к изложению задания Бронев. — Заберёте их напротив Госдумы и отвезёте... В общем, Саша знает куда. Их зовут Лариса и Юра. Журналисты. Дорогу им знать не следует. Понятно?

— То есть?.. — начал Подлесный.

— Нет, в багажник их запихивать не требуется. Да они и не поместятся вдвоём-то. На глаза — повязки. И этого, полагаю, будет достаточно. Можно попетлять немного. Бешеной собаке, как говорится, семь вёрст не круг. Точнее, не крюк. Всё понятно?

— Да... — нерешительно проговорил Подлесный. — В общем, да. А они...

— Сопротивляться они не будут, — усмехнулся Бронев. — Всё обговорено. Доставите их на место и снимете повязки. Надеюсь, эти Лариса и Юра не очень толстые. Понятно, о чём я говорю?

— Мне — на заднее сиденье? — догадался Дмитрий.

— Конечно. Для контроля. Или вы полагаете все эти предосторожности лишними? — Бронев испытующе посмотрел Подлесному в глаза.

Дмитрий пожал плечами.

— Если вы считаете, что... Ну, что им нет необходимости знать дорогу, то и... В общем, я сделаю всё как положено.

— Около Госдумы надо быть ровно в половине двенадцатого. Всё.

Подлесный поднялся из кресла. Бронев кивком головы отпустил его.

Волнение, вызванное встречей с Броневым, не оставляло Дмитрия и в машине. Как-то странно вёл с ним себя генеральный. И смотрел как-то... Словно чего-то не договаривал. Ох уж эта Маринка. Связываться с ней... Надо выбросить эту Бояркину из своей жизни. Окончательно и бесповоротно. Подведёт она его... Куда-нибудь да подведёт.

Выбросить её из жизни своей, вырвать из сердца с корнем. Авантюристка высшей марки. Из-за неё он вынужден ходить по острию ножа. Мало того, что в любую минуту его могут облачить, его и вообще убить могут в результате следующего покушения на Броневу, которое рано или поздно всё равно последует. Кто-то серьёзно наехал на него. Не получилось с первого раза — со второй попытки получится. И снова пострадает окружение приговорённого.

И вовсе не исключено, что одним из пострадавших окажется он сам, Дмитрий Подлесный. Взорвут или расстреляют. О-хо-хо! А умирать неохота.

Обладать бы способностями какого-нибудь Шерлока Холмса да и распутать это дельце, пока не поздно. Но что тут можно сделать? Много ли заказных убийств раскрыто за последние годы? А ведь по ним работают. Наверняка серьёзно работают. Профессионалы к тому же. Бронев, конечно, надо полагать, догадывается, кто смерти его желает. Но догадками здесь одними не обойдёшься.

Озирающихся по сторонам Ларису и Юру Подлесный заметил ещё издали.

— Лариса и Юра? — обратился к ним, приоткрыв дверцу, Подлесный, едва Саша приотормозил. — Добрый день!

— Да, — ответила Лариса. — А вы от Бронева?

— От него. Прошу садиться.

Подлесный выскочил наружу и открыл заднюю дверь джипа.

— Нам сказали, что и глаза завяжут, — весело проговорила Лариса. — В самом деле?

— Да, это так. Имеются шарфы чёрного цвета, — ответил Дмитрий.

Лариса подёрнула кверху и без того коротенькую юбочку и стала забираться на переднее сиденье. Подлесный, мгновенно сообразив, что ему придётся сидеть сзади с Юрой, полным небритым парнем с длинными рыжими волосами, собранными в хвост с помощью голубенького шнура, заявил:

— Прошу прощения, мне предписано усадить мужчину на переднее сиденье.

Находиться рядом с представительницей прекрасной половины человечества представлялось Дмитрию гораздо более приятным, чем сидеть рядом с толстозадым мужиком. Тем более что Лариса показалась ему интересной женщиной. Жгучая брюнетка, круглолицая и курносенькая, с волосатенькими ножками.

Дмитрий уселся рядом с Ларисой и с удовольствием вдохнул запах её духов. Сексапильная дамочка эта Лариса. Сейчас она повяжет на глаза шарф, и он беспрепятственно её рассмотрит. Коротенькая юбочка, блузка-декольте, «деГОЛЬтирующая» её грудь, не маленьких размеров, упругую на вид. Интригующие сиськи. Даже если соски этих шикарных полусфер окружены жёсткими чёрными волосками — это простительно.

Поехали.

— Разговаривать в пути разрешается? — спустя несколько минут поинтересовалась Лариса, всё тем же весёлым голосом.

— Да, конечно, — разрешил Подлесный.

— А мы вам не помешаем? — с улыбкой спросила журналистка.

— Да нет. Водитель дорогу знает, не собьётся, а я и вообще...

— Вас как раз и имела в виду, — рассмеялась женщина.

— Я вас не понял, — ответил Дмитрий и отчего-то ощутил смущение.

Лариса пояснила:

— Вы так меня разглядываете. Вы так увлечены этим занятием.

— Отнюдь нет. Вы ошибаетесь, Лариса, — возразил Дмитрий.

Ответом ему была улыбка. Подлесный устремил взгляд на лобовое стекло, решив сосредоточить внимание на рекламных щитах и прочей придорожной ерунде, но скоро передумал — плевать, он будет смотреть туда, куда ему захочется.

И он решительно заявил:

— Извините, Лариса, но я не виноват, что вы сегодня без паранджи и цветастых штанишек до щиколоток. Вот в азиатских, например, странах...

— Да что вы! — всплеснула руками Лариса. — Я же так просто сказала. У вас такой приятный, заинтересованный взгляд. Да на здоровье! Мы, женщины, все немного эксбиционистки.

— И не только эксбиционистки, — с мрачной усмешкой изрёк до того не проронивший ни слова Юра.

— Да? А кто? — проявил интерес Дмитрий.

— Не обращайтесь внимания на моего коллегу. Он сегодня не с той ноги встал, — сообщила Лариса, затем вынула из сумочки пакетик чипсов и протянула Юре. — Не грусти — похрусти, Юрик.

Встреча Бронова с журналистами проходила в Болшево, в одном из недавно построенных коттеджей, и длилась около полутора часов.

На обратном пути Юра по своему обыкновению молчал, Лариса также была немногословна и выглядела сосредоточенно о чём-то размышляющей. Однако в конце путешествия Лариса повеселела и даже рассказала несколько анекдотов. Выдал пару анекдотов и Подлесный.

По прибытии — а вернулись они снова к зданию Государственной Думы — Лариса выбиралась из салона автомобиля с той степенью непринуждённости, что придерживавший дверь Дмитрий ощутил лёгкое головокружение.

— Ну что ж, будем прощаться, — сказала Лариса.

— Всего хорошего! — пожелал женщине Дмитрий, захлопнул заднюю дверь автомобиля и ухватился за ручку передней.

— Минутку, Дима, — остановила его Лариса. — Позвоните мне как-нибудь. — И Подлесный увидел в её руке светлый прямоугольничек визитной карточки.

Дмитрий намеревался принять визитку, однако Лариса, словно не заметив протянутой к ней руки, сама сунула карточку в правый карман его брюк. Несколько удивлённый поступком Ларисы Дмитрий последовавшими за этим быстрыми и бесцеремонными движениями женских пальчиков был просто шокирован, ибо движения эти никак не могли быть случайными. Лариса посмотрела в изумлённо вытаращенные глаза мужчины и мило улыбнулась.

— Яволь?

— Я... воль, — заторможенно кивнул Дмитрий.

Колебался Подлесный недолго. И позвонил. На следующий же день. Не потому, точнее, не только потому, что журналистка заинтриговала его как женщина, но и в связи с надеждой получить от неё какую-либо информацию, которая могла бы ему пригодиться. Ведь известно достаточно о журналистских расследованиях. Почитаешь иной раз газетную или журнальную статью о каком-либо деле, и создаётся впечатление беспримерной осведомлённости пишущего. И действительно, информацию журналистам не только разные заинтересованные частные лица и различные структуры предоставляют, но и правоохранительные органы «сливают».

Ларисы на месте не оказалось, однако взявшая трубку женщина с хриплым голосом попросила оставить номер телефона, заверив, что Лариса обязательно с ним свяжется.

Лариса позвонила в двенадцатом часу ночи и, представившись и поприветствовав Дмитрия, распорядилась:

— Записывайте адрес, Дима.

— Адрес? — почему-то переспросил Дмитрий. — Я сейчас авторучку возьму.

Он записал продиктованный ему адрес и получил следующее распоряжение:

— Приезжайте! Изменим жизнь к лучшему.

— Прямо сейчас? — решил уточнить Дмитрий.

— Почему нет? Или у вас режим и диета? — рассмеялась Лариса. — Вам сколько времени на дорогу потребуется?

— Верхняя Масловка — это где-то в районе «Динамо»? Ну, минут сорок. Меньше даже.

— До встречи. — Лариса положила трубку.

Однако не открывала она так долго, что Подлесный начал было уж сомневаться в том, что адрес записан верно. Наконец послышались лёгкие шаги, и дверь отворилась. Хозяйка встретила гостя в прозрачном то ли халате, то ли пеньюаре, под которым ничего больше не было, как говорится — ни белья, ни пояса верности. Волосы женщины были влажными, а лицо покрасневшимся.

— Давно тут стоите? — спросила Лариса. — Я, конечно, жутко извиняюсь, но я решила ванну принять. Сначала думала только душем обойтись, а потом поразмыслила, прикинула... — щебетала она, отступая назад, чтобы Подлесный мог войти и разуться. — И действительно, наша, можно сказать, первая встреча. И я подумала, что уж благоухать, так благоухать. Апельсиновым амбре. У тебя, — Лариса перешла на «ты», — на апельсины аллергии нет?

— Да нет, наверно.

— Хвоя, возможно, и полезнее для кожи, но... Конечно, от всех недугов — лес и луг, как гласит реклама. Конечно, блеск и сила здоровых волос, но, опять же... Эй! — вдруг перебила она себя. — Ты почему такой истуканистый, дружище? У меня же к тебе разговорчик имеется.

— Разговорчик?

— Да. Но разговоры потом, — взмахнула руками Лариса. — А сначала неофициальная часть. У тебя там что? — Она взяла из рук Дмитрия полиэтиленовый пакет. — Виски? Отлично. А то у меня только водка. Или ты водку предпочитаешь? Ладно, и водка, и виски — на стол. По сто граммов и в постель? Идёт? Ты же не откажешься? Ты же мне своими глазёнками всё тело исщекотал вчера. Верно ведь? И то, что я ноги не брею, тебе понравилось. Нет?

— Пожалуй, — пожал плечами Дмитрий.

— И отлично. Ты мне тоже понравился. И размер у тебя приличный, — улыбнулась Лариса и кокетливо ткнула Дмитрия пальчиком пониже пояса.

— Откуда ты знаешь? Когда визитку засовывала?

— Да почему?! — удивилась Лариса. — Когда визитку — это просто так, фенечка такая. Фантом! Фантом-то же остаётся. Всегда. Даже когда он дремлет, как старикашка, как дрябленький, сморщенный старикашечка. А как тебе я? Это у меня новый халатец, — похвасталась она и, отступив на шаг, повернулась вокруг своей оси. — А? Почти что ненадёванный. Ты чуть ли не первый у меня, ну, я имею в виду этот халатец.

— Я польщён, — улыбнулся Дмитрий.

— Ну! — выпятила губки Лариса. — Иронизируешь? Ладно, давай заходи. Кстати, можешь сразу в душ. А я пока на стол приготовлю. Идёт?

— Идёт, — кивнул Дмитрий. — Сюда?

— Да, вот эта дверь. А туалет вот. А в ванну не писай. Хорошо, дружок?

— Да нет, я — никогда.

— Ну-ну, все вы так говорите. Возьмёшь красное полотенце. Идёт?

— Ясно. Красное.

— Всё! Действуй!

Выйдя из ванной, Дмитрий глянул в направлении кухни и понял, что стол хозяйка решила накрыть не на кухне, а, судя по всему, в единственной комнате этой однокомнатной квартиры. И он последовал на малиновый свет, льющийся из открытой двери. На пороге он непроизвольно остановился, удивлённый открывшейся его взгляду картиной. Лариса сидела в кресле, откинувшись на спинку и с закрытыми глазами, и — халат был распахнут — теребила пальчиками соски груди. Обнаружив присутствие Дмитрия, Лариса ничуть не смутилась.

— А я решила не терять времени понапрасну, — сообщила она с милой улыбкой. — Вот, готовлю себя потихоньку. Вам, мужикам, хорошо, вам не требуется много времени, чтобы завестись. Верно ведь? Ты-то как?

Дмитрий смущённо пожал плечами.

— Хорошо, не буду приставать, — улыбнулась Лариса. — Хотя, кстати, тебя что больше распялет, Дима? А? Женские формы или, может быть, сальные разговорчики? А может, порнушечку в видик сунуть?

— Да нет, не надо, я, в общем-то...

— И даже выпить не хочешь? — радостно заулыбалась Лариса.

— Да я выпью, мы, вернее, выпьем с тобой, — возразил Дмитрий, будучи, тем не менее, не в состоянии отвести взгляда от бордовых и крупных сосков женщины.

— Водку или виски? — запахивая халат, поинтересовалась Лариса.

Дмитрий досадливо поморщился.

— Виски, пожалуй.

— Тебе не понравилось, что грудки спрятала? — проявила чудеса наблюдательности Лариса. — А давай вообще разденемся, — вдруг задорно сказала она. — И поужинаем в нудистском стиле. Идёт, дружок? Давай раздевайся по-шустрому. — Лариса вскочила на ноги, взмахнула руками, и халат, расставшись с её телом, плавно опустился на кресло. — А я, между прочим, могу на руках стоять. Ведь я же когда-то гимнастикой занималась.

И она встала на руки. Она согнулась пополам и встала на руки, а потом ещё и прошлась, подпрыгивая полусогнутыми волосатенькими ножками, между столиком и софой вдоль всей комнаты. Затем развернулась и направилась обратно. Дмитрий её уже ждал. Стоя на коленях и раскинув руки в стороны. Гимнастка приблизилась, и Дмитрий обнял её.

— Что ты собираешься сделать? — несколько сдавленным голосом проговорила Лариса.

— Сам ещё не знаю, — прошептал Дмитрий, хотя, кажется, уже догадывался. Как, впрочем, и она.

Подлесному показалось, что Лариса сейчас уснёт. Если она заснёт, то не следует ли ему отправиться домой? Однако сомнения его разрешились самым неожиданным образом — Лариса вдруг встрепенулась, открыла глаза и довольно бодрым голосом провозгласила:

— Всё! Неофициальная часть окончена. — Она поднялась с постели и, не одеваясь, пересела в кресло. — Ну! Дима! Давай поднимайся. Быстренько.

— Лариска, давай передохнём и продолжим неофициальную, — скорчил просительную гримасу Дмитрий. — Лариска, плюнем на официальную, а?

— Не-не, Дима, не кисни, пожалуйста. И вставай, пожалуйста! — Лариса говорила это как бы с обидой и даже несколько сердито. — А неофициальную часть можно и потом продолжить. Если время останется.

— Может быть, завтра? — не сдавался Дмитрий.

— Завтра — это наиболее занятый день в году, — парировала Лариса.

Делать было нечего, и Подлесный нехотя выбрался из постели и принялся одеваться. Лариса нахмурила бровки, она полагала, очевидно, что если неофициальная часть окончена, то наличие, либо отсутствие одежды как на ней, так и на Дмитриии существенного значения не имеет.

— Дима, ты, видно, боишься замёрзнуть, — не без неудовольствия в голосе произнесла она. — Впрочем, что ж, одевайся, а я пока виски плесну.

Подлесный оделся, Лариса тем временем налила в бокалы виски и приготовила бутерброды: с колбасой, с балыком и с сыром.

И нетерпеливо произнесла:

— Садись, Дима. Какой ты копуша, Дима! В самом-то деле! Мне нужно поговорить с тобой. Взгляд изнутри — он очень интересен. Ты давно у Бронова работаешь?

— Должен разочаровать тебя. Недавно, — ответил Дмитрий, и тень разочарования незамедлительно легла на весь облик журналистки. Даже её упругая грудь, кажется, слегка обвисла.

— Да? Действительно? — Лариса поднялась и прошлась по комнате. Возле телевизора она остановилась и поцарапала пальчиками правую ягодицу. Потом обернулась к собеседнику и с надеждой спросила: — Но последние-то события — я имею в виду покушение на Бронова — при тебе случилось?

— Да, конечно, — поспешил успокоить её Дмитрий.

— Ну и то слава небесам, — с облегчением вздохнула Лариса и вернулась на своё место.

Они выпили, закусили, и Лариса принялась задавать Подлесному интересующие её вопросы. Об обстановке в фирме, о климате в коллективе, о людях, работающих в компании. Дмитрий, невольно чувствуя как бы даже и вину свою в связи с недолгим пребыванием на службе у Бронова, старался отвечать предельно полно, мобилизуя при этом свою память и весь потенциал аналитических способностей. И в большей степени — именно потенциал аналитических способностей, ибо запас наблюдений его был довольно скудным.

— Что народ-то думает по поводу всего этого? Охранники ваши, например? — продолжала допрашивать его Лариса.

— Кое-кто полагает, что это дело рук конкурентов. Цены-то снижаются — вот и тесновато стало на рынке.

— Другие версии имеются?

— Версия долгов, — ответил Подлесный. — Тут я и сам кое-что слышал, когда на работу устраивался. Сидел в приёмной и слышал, как генеральный говорил главбуху, что по каким-то там этим, как он выразился, долгам платежей не производить вплоть до окончательного прояснения ситуации.

— До окончательного прояснения ситуации? Так и сказал? То есть деньги имеются, но необходимо прояснить ситуацию? — поспешила уточнить Лариса.

Дмитрий задумался, припоминая. Потом пожал плечами.

— Пожалуй, нет. Что-то сказал о том, что возможностей сейчас таких нет.

Лариса продолжала спрашивать, Дмитрий продолжал отвечать на задаваемые вопросы. Ему было нелегко. Не только потому, что вопросы были сложными, но и ввиду неординарности обстановки, в которой протекала беседа-допрос-интервью.

И действительно, перед ним находилась обнажённая представительница противоположного пола довольно привлекательных форм, которая не просто задавала вопросы и выслушивала его ответы, но и потягивала виски, облизывала губы, поглаживала, задумавшись, то грудь свою с так практически и неувядшими сосочками, то ноги, от коленей вверх и обратно.

Результат: Дмитрий далеко не сразу сумел припомнить, что и у него имеются к Ларисе некоторые вопросы, что и он желал бы получить от собеседницы кое-какие сведения относительно этого расстрела телохранителей Бронова.

Бояркина категорически против того, чтобы он оставил опасную работу, следовательно — ему жизненно важно что-то сделать, каким-то образом прояснить суть кровавых событий, чтобы хоть в какой-то степени быть готовым встретить неминуемое, как он полагал, и страшное.

Правда, сейчас Бронов предпринимает достаточно серьёзные действия по обеспечению своей безопасности. Но, опять же, «своей». То есть его, Бронова, безопасности. А сколько телохранителей и охранников будет переведено на мясо, его не очень-то и интересует. Те деньги, что по контракту он обязался выплатить семьям пострадавших, для него, по сути, гроши. Двое погибли (уже погибли) или двадцать — разница несущественная.

И Подлесный решил порасспросить Ларису о том, что дала ей встреча с Броновым в плане получения интересующей её информации. Но спросил другое.

— Лариса, — произнёс он, — не будешь возражать, если я своё кресло поставлю рядом с твоим?

— Пожалуйста, располагайся, как будет удобно, — согласилась та.

Дмитрий сменил дислокацию, и спустя секунду у него перехватило дыхание. Теперь он видел Ларису в совершенно иной проекции, не в фас и до пупка, а как бы сбоку и сверху и вплоть до розовенькой пятки правой ноги, расположившейся в кресле.

— Послушай, Дима, — вновь заговорила Лариса, поставив бокал с виски на стол, — а ты всех работников, обеспечивающих охранные функции, знаешь?

— По фамилиям или хотя бы в лицо — всех почти. Память на лица у меня, правда, не очень.

— То есть в лицо, значит...

— Нет, тех, кто головную структуру компании обеспечивает... Ну, этих-то — более или менее.

— И чистую, и чёрную? — прищурилась Лариса.

— Не понял.

— Ну, я хотела узнать, ты только представителей легальной части вашей конторы знаешь, или — и теневой? Ну, ты кого-то из тех ваших знаешь, кто задания щекотливого, как говорят, плана выполняет?

Дмитрий не без сожаления оторвал взгляд от курчавого кустика волос в месте соединения женских ног и попытался сосредоточиться.

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Всё потому же: я — журналистка.

— Есть такое, — признал Дмитрий. — Но начальство у нас одно.

— Ты хочешь сказать, что и курирует и тех, и других один и тот же человек?

— Да нет, нами больше Миротинский занимается, а спецами Кривойкин руководит. Но босс у нас один.

— Кривойкин. Да, Кривойкин. Я знаю, — кивнула Лариса. И задумалась, поглаживая поросшую тёмным пушком ногу.

— Считаешь, корни случившегося где-то тут находятся? — Дмитрий протянул руку, желая прикоснуться к левой груди Ларисы, но женщина отстранила его руку. Дмитрий вспом-

нил о своих интересах и спросил: — А что тебе наш босс поведал? Он ведь наверняка знает или, по крайней мере, догадывается, кто за него принялся.

— У него имеется своя версия, вполне однозначная, — пожала плечиками Лариса.

— Но ты в неё не веришь. Так?

— Имею право сомневаться.

— И какова его версия?

— Конкуренты. «Заурнефть». Они перекупили их партнёров, Даль-НГК, процентов на шестьдесят. Перекупили, а теперь не хотят платить по их обязательствам. В том числе и компании Бронова. А Бронов не соглашается с новыми их порядками, и поэтому стал неугоден хозяевам «Заурнефти». Но он будет прятаться и им не дастся. Кстати, куда ты нас возил?

— Не знаю. Водитель вёз, а я сидел с закрытыми глазами, — ушёл от ответа Дмитрий, а затем решил высказать своё мнение о версии Бронова. — По-моему, вполне версия. Если, конечно, сумма приличная получается. А в нефтяной промышленности, надо думать, деньги солидные крутятся. Бронов не хочет терять денежки, которые считает своими, на которые он заранее губу раскатал, а те — тоже, если у них другое мнение. Берёшь-то чужие, а отдавать приходится свои.

— Да я ведь и в «Заурнефти» побывала, — вздохнула Лариса.

— И что, их версия убедительней, чем у нашего генерального?

— Не хуже, во всяком случае. Так-то вот. А если имеются две версии, одинаково убедительные, то почему бы не ожидать, что вот-вот объявится ещё и третья, которая им не уступит. А может, и четвёртая. Нет разве?

Лариса загрустила. Она даже не обратила внимания на ласкающие движения пальцев левой руки Дмитрия, миновавших уже линию пупка.

— Ты так переживаешь, как будто третья и четвёртая версии уже объявились, — заметил Дмитрий, просовывая правую руку между головой женщины и спинкой кресла.

— Если ты мне поможешь, то, возможно, будет и третья. И в самое ближайшее время, — сообщила Лариса и позволила Дмитрию поцеловать её.

— А что я могу? Я только могу, как ты понимаешь...

— Это-то ты, сама вижу, можешь. Так ведь это и другие могут.

— Лучше, чем я?

— Да кто как. А вообще-то на девяносто процентов всё от женщины зависит. Так ты поможешь мне? — снова спросила Лариса.

— Каким образом?

— Сама ещё не знаю. Ладно, давай прервёмся.

— До утра?

— А ты сможешь до утра?

Дмитрий пожал плечами.

— Могу посоветовать тренировать «мускул любви». Знаешь, как это делается? — Лариса отстранилась и посмотрела ему в глаза. — Объясняю. Тридцать шесть втягиваний с задержкой на несколько секунд, перерыв на две минуты и повторение. То есть опять тридцать шесть втягиваний.

— А если тридцать пять?

— Повторяю — тридцать шесть.

— В течение какого срока?

— А всю жизнь. Пока в номинального носителя мужских достоинств не превратишься.

— Не хочу в номинального. А ты со своей официальной частью...

— Молчи, двуглавый, — прервала его Лариса. — Вы, мужики, — существа двуглавые. Потому и бардак в этом мире. Когда мы, женщины, займём доминирующее положение, всё

будет по-другому. Понял? Ты меня понял? — Лариса ухватила за пояс его брюк и резко дёрнула. — Три секунды даю.

Дмитрий вскочил на ноги и стремительно разделся.

— Не уложился, — констатировала Лариса холодным тоном. — Одевайся и проваливай!

Дмитрий растерялся.

— Ладно, пошутила, — усмехнулась Лариса. — Давай его сюда!

ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ ИМЕЕТ ПРАВО ОЖИДАТЬ НЕПРИЯТНОСТЕЙ

Подлесный собрался принять душ, побриться, но телефонный звонок Бояркиной разрушил его планы.

— Иди купи хлеба и позвони мне прямо оттуда, — даже не поздоровавшись, приказала Марина.

— Зачем мне хлеб? У меня есть хлеб, — удивлённо ответил Подлесный. — И зачем мне звонить, если ты уже на связи?

Бояркина разозлилась.

— Не нужен хлеб — купи сухарей, идиот! — И отключилась.

Чёрт! Что за шутки?! Что ещё она придумала? Продолжая чертыхаться, Дмитрий надел джинсы и футболку и отправился к универсаму. Ни хлеба, ни сухарей покупать он не стал, решив сначала связаться с Бояркиной и выяснить, на чём основано её странное распоряжение.

— Ты, надеюсь, из автомата звонишь? — первым делом поинтересовалась Марина.

— Из автомата.

— Ну и хорошо. Значит, не законченный тупица. Слушай сюда внимательно. Мне стало известно, что ты попал под подозрение. Ну, ты понял — в связи с чем.

— Что? Как?! — всполошился Подлесный.

— Так вот, слушай, — продолжила Бояркина. — Дома у тебя не должно быть ничего, что могло бы привлечь внимание органов. Понятно? Ни-че-го. И было бы неплохо, если бы на некоторое время исчез из дому.

— Да что стряслось?!

— Пока ничего. И не стрясётся, если будешь благоразумным и не тупым.

— Но мне с восьми вечера на работу. Не ходить?

— На работу иди. Тут без изменений. Главное, чтобы ни в квартире, ни, естественно, при тебе не было всяких штучек. Ты понял, о чём я?

— Ты не могла бы поконкретней? Исчезнуть, однако на работу ходить! И насчёт сухарей... Насколько это серьёзно?

— Будем надеяться, что не потребуются. Пока.

Огорошенный всем услышанным, Подлесный ещё несколько секунд послушал короткие гудки, затем повесил трубку и пошёл домой. Дома, кажется, ничего у него не было такого, что могло бы вызвать нездоровый интерес правоохранительных органов, нагрянь они к нему с обыском. Но обыск — почему? И с какой стати? В убийстве телохранителей Бронова он не замешан. А может быть, всплыл тот проклятый случай, когда его задержал этот омерзительный уголовный тип в Сергиевом Посаде?

Подлесный не заметил, как оказался возле квартиры. Хотел повернуть обратно, однако тут же вспомнил, что документы его находятся дома. К тому же необходимо всё-таки принять душ, побриться, надеть костюм, без которого на работу явиться он не имеет права. Неужели и в самом деле его телефон прослушивают? А если прослушивают, то как давно?

Спустя некоторое время Подлесный вспомнил, что у него имеется алиби, и повеселел. Эта Маринка со своим звонком совсем из колеи его выбила. А ведь в те часы, когда расстреливали ребят, он проходил инструктаж в учебном центре. С семнадцати до девятнадцати. Преступление же совершено в половине седьмого вечера.

Подлесный стоял под душем, когда в дверь позвонили. Неужто уже? Спустя несколько секунд звонок повторился, а затем и вообще почти не умолкал. Дмитрий торопливо смыл с

себя мыльную пену и схватил полотенце. Эти козлы наверняка с кувалдой там и, не открой им, выломают дверь. А то ещё спустятся по верёвке с крыши и высадят оконную раму.

— Иду-иду! Открываю уже! — крикнул Подлесный, выскакивая из ванной и на ходу натягивая шорты. — Один секунд!

Он открыл дверь. Так и есть. Несколько мордovorотов в камуфляже, бронежилетах и масках «чёрная ночь», с «акаэсами» наперевес. На заднем плане — кувалда. Действительно, выломали бы дверь. Подлесный собрался уже сказать, чтобы сообщили альпинистам, что выбивать раму нет необходимости, так как вход свободен, однако успел лишь рот приоткрыть. Его отшвырнули к стене, потом развернули на сто восемьдесят градусов и принялись стучать по рёбрам, рукам и ногам. Затем стали обыскивать. И чего бы обыскивать человека в шортах на голое тело?

— Полегче! — прикрикнул Дмитрий. — Я наркотики перед душем в задний проход, наверно, спрятал!

И тотчас же получил болезненный тычок в затылок.

— А это, чтобы не думал, что шуток не понимаем, — последовало объяснение.

Вскоре кто-то из ворвавшихся констатировал:

— Чист.

— Я только из душа, — пояснил Подлесный.

— Не умничай! — рявкнул, судя по голосу, тот, который «шутки понимает».

— Повернитесь! — поступила команда уже от кого-то другого, менее агрессивно настроенного.

Подлесный опустил руки и повернулся. Перед ним стоял мужчина в клетчатом пиджаке жёлто-коричневой расцветки, невысокого роста, с белесыми вислыми усами.

— В связи с предстоящим обыском вам предлагается добровольно выдать наркотики, оружие и иное незаконно приобретённое имущество, если таковое имеется, — унылым голосом проговорил клетчатый.

— Ничего такого в квартире не имеется, — ответил Подлесный и прибавил: — Только несколько автоматов. Но автоматы не мои.

— Кому они принадлежат и где они находятся? — уже далеко не унылым голосом спросил явно обрадовавшийся вислоусый.

— Да вон они, — кивнул Дмитрий на здоровяков в камуфляже и масках, — у ваших сопровождающих.

— Ну-ну! — недобро произнёс вислоусый, и Дмитрий вдруг остро пожалел, что позволил себе лишнее. Хоть и заявляют, что шутки понимают, однако вряд ли стоит им верить. И что это на него нашло?

— Андрей Николаич, может, приложить ему? — спросил один из таинственных пришельцев у клетчатого пиджака.

Разрешения не последовало, и физиономия Подлесного не пострадала.

— Можно узнать, в связи с чем такое внимание ко мне? — задал вопрос Дмитрий. — Почему и на каком основании? Обыск, удары по рёбрам и почкам, по затылку...

— Убийство двоих сотрудников неизвестной вам фирмы СНК. У нас имеются основания полагать, что вы причастны к данному преступлению, — ответил Андрей Николаевич. — Что можете сообщить по этому поводу?

— Убитые и раненые — мои коллеги. Мы из одной конторы. Будь моя смена, могли бы и меня в тот джип посадить. Правда, я пока больше как охранник при дверях-воротах, так как работаю недавно.

— Но смена была не ваша, и в джипе том вас не было, — со значением произнёс Андрей Николаевич. — Вы будете допрошены в качестве свидетеля. И будете предупреждены о даче заведомо ложных показаний, за что предусмотрена уголовная ответственность. Вам понятно?

— Понятно. Я только хотел спросить. Ну, у всех наших, кого не убили и не ранили в тот раз, будут обыски проводиться?

Следователь загадочно улыбнулся и распорядился:

— Присаживайтесь к столу.

— Одеться можно?

— Оденьтесь.

Обыск проводился с соблюдением бумажных формальностей и в присутствии понятых — соседей из квартиры слева, пожилых мужчины и женщины, пеньками неподвижными просидевших на кровати в течение всего мероприятия. А по квартире шныряли полдюжины человек в штатском.

— Надеюсь, эти живчики, — Подлесный кивнул в сторону штатских, — ничего мне такого не подсунут, Андрей Николаевич?

— Они не имеют права этого делать. Следовательно, если что-то будет обнаружено, то, значит, это ваше, — с нехорошей улыбочкой ответил следователь.

— Ясно. Только зря всё это, — покачал головой Подлесный. И вдруг его осенила мысль, показавшаяся очень интересной, и Дмитрий заявил: — Кстати, это ведь классная идея — посидеть в вашем клоповнике. Мне ещё только в восемь на работу, а меня уже трясёт. Вы бы предупредили заранее, что явлюсь, так я хотя бы несколько патронов раздобыл. И пересидел бы, глядишь, грядущие события кровавого свойства.

— Они, полагаете, будут? Какие у вас основания так полагать?

— Да и так всё понятно. Без всяких оснований. Хотели убить Бронова, но не получилось. Следовательно, ожидай новой попытки.

— А по существу вы ничего сказать не хотите? — выпятил губы Андрей Николаевич и прищурился.

— Если скажу, что это я перестрелял своих товарищей, то вы меня посадите и перестанете искать настоящих преступников. А преступники тем временем снова нападут на Бронова и моих коллег.

Проводив Андрея Николаевича и компанию, Подлесный вспомнил, что минут двадцать тому назад выкурил последнюю сигарету. И отправился в магазин. Выйдя из подъезда, он увидел Андрея Николаевича разговаривающим с каким-то маленького роста человечком. Присмотревшись, Подлесный узнал в собеседнике следователя своего старого знакомого Гольцова, оперуполномоченного, который некогда подозревал Дмитрия в причастности к заказным убийствам.

Значит, это Гольцов обеспечил ему обыск. То есть у них на него, вероятно, кроме давних подозрений этого мистера Гольцова, ничего нет. Даже свежих подозрений, которые имели бы под собой хоть какую-то почву.

Подлесный остановился в нескольких шагах от следователя и Гольцова. Андрей Николаевич обернулся.

— У вас что-то ко мне?

— Нет, ничего, — сказал Дмитрий. — Я только хотел поприветствовать своего старого знакомого.

— Добрый день, господин Подлесный! — важно кивнул Гольцов, однако заметно было, что он не особенно рад общению с Дмитрием.

— Добрый день, господин Гольцов! — отозвался Подлесный, но не ушёл, оставшись стоять на прежнем месте.

Спустя минуту Андрей Николаевич сел в чёрную «Волгу», а Гольцов нехотя обернулся к Подлесному.

— Вы что-то хотели?

— Да ничего особенного. Просто, как я понял, вы тоже причастны к расследованию расстрела моих коллег. А раз так, то я подумал, что, может быть, нам, двум старым знакомым, стоит пообщаться. Без посредников. — И Дмитрий кивнул в сторону отъезжающей «Волги».

— Вы имеете что-то сообщить, месье Подлесный? — с вызовом произнёс Гольцов.

— В общем-то, только то, что я уже сказал Андрею Николаичу. И неужели нет других подозреваемых, кроме меня? Если это так, то как же мне и моим товарищам на работу ходить? А если завтра, а то и сегодня — я с восьми вечера на работу выхожу — вновь подобное случится? Ведь страшно же, поверьте.

— Страшно — смените профессию, — холодно ответил Гольцов. — А то вы, смотрю, всё к опасным профессиям тяготеете. Но учтите: в этот раз вы не отвертитесь. Моя интуиция меня никогда ещё не подводила. И когда я увидел вашу фамилию в списках... Не надо улыбаться, потом будете улыбаться. Ваше проникновение в окружение Бронзова отнюдь не случайно, в чём у меня нет и тени сомнения. И мы узнаем, кто за вами стоит. И скоро будет понятно, откуда у вас в последнее время денежки завелись.

— Восемьсот-то долларов? — удивлённо округлил глаза Подлесный. — Да разве ж это деньги? То есть разве это та сумма, которая может вызвать такие подозрения, о которых вы сейчас говорили? При обыске у меня нашли всего-то восемь сотен, не считая пары тысяч рублей.

— Может быть, плохо или не там искали.

— Что ж, ясно, — заключил Подлесный, — приходится ожидать с вашей стороны новых неприятностей.

— Будут неприятности, мистер Подлесный, — подтвердил Гольцов.

На том и расстались.

И ПЛОХОЙ МИР ЛУЧШЕ ХОРОШЕЙ ССОРЫ. ПОЛЕЗНЕЙ

В десятом часу утра Подлесный возвратился с дежурства, которое прошло вполне благополучно. В том смысле, что ни взрывов, ни стрельбы не было. Оно и понятно: тем, кто задумал расправиться с Бронным, необходимо время на подготовку. Тем более что в офисе генеральный не появлялся, сидел, вероятно, безвылазно в Болшево, сведя к минимуму все контакты с внешним миром.

Но рано или поздно, полагал Подлесный, повторное покушение на жизнь Бронного состоится. А вот будет ли снова алиби у него, Дмитрия Подлесного, — большой вопрос. Если только его взорвут или расстреляют вместе с боссом.

В одиннадцать Дмитрий уснул, однако в двенадцать его разбудил телефонный звонок. Звонила Лариса, интересовавшаяся, правда ли, что он подозревается в покушении на Бронного и убийстве его телохранителей.

— Подозреваю — это громко сказано, — уклончиво ответил Дмитрий.

— Но у тебя даже обыск проводился. Разве нет? Правда, как я слышала, улики не нашли.

— Какие могут быть улики, если я не причастен?! — возмутился Подлесный.

— Но ты, говорят, уже был раньше в чём-то подобном замешан, — не спешила сдаваться журналистка. — Хотя тогда тебя не смогли уличить. Верно ведь?

— Нет, не верно. Тебе, случайно, не господинчик по фамилии Гольцов такой ерунды наплёл?

— Гольцов? Кто это?

— Ну раз не знаешь, то и не важно.

Лариса не согласилась с ним.

— Мы, — заявила она, — на данном этапе не можем знать, что важно, а что не важно. Кстати, тебе не кажется, что нам необходимо встретиться?

Лариса хочет с ним встретиться. Впрочем, радоваться тут совершенно нечему, ибо цель встречи, стопроцентно, деловая. Накопились у неё вопросы, потому и заговорила на эту тему.

И Подлесный решил отказаться, сославшись на занятость, однако неожиданно вспомнил, что в прошлый раз он так и не выяснил у Ларисы, какую версию случившегося выдвинули люди из «Заурнефти».

— О чём молчишь? — напомнила о себе Лариса. — Сегодня сможешь подкатить?

— Не знаю даже. У меня тут кое-какие планы.

— Не до утра же, надеюсь? Давай часиков в одиннадцать у меня.

— Мне завтра рано вставать, — с сожалением в голосе проговорил Дмитрий.

— Опустим неофициальную часть, раз уж ты такой любитель поспать.

Как охотно она готова отказаться от неофициальной части, эмансипуха паршивая! А вот он бы уж лучше от официальной отказался. Или хотя бы отложил.

И Дмитрий нагло заявил:

— Я буду у тебя в десять.

— Что ж, договорились. Я тут постараюсь крутануться побыстрее.

К дому Ларисы Подлесный подъехал в четверть с небольшим десятого. И сделал это намеренно. Он решил подняться этажом выше и стоять там вплоть до десяти часов.

В двадцать один сорок пять Дмитрий уже пришёл было к заключению, что он ошибся в своих предположениях, однако тут послышался с третьего этажа звук открываемой двери. Подлесный весь обратился в слух. Женский и мужской голоса. Вызвали лифт. Голоса стихли. Когда лифт направится вниз, Подлесный быстро спустится по лестнице.

Дмитрий увидел человека, вышедшего из одной из квартир третьего этажа, а затем — из лифта. Со спины почти что, однако мгновенно его узнал. К выходу из подъезда, а потом и от него (Подлесный выглянул и за дверь) шествовал, удаляясь, Гольцов! Вот те на! Сегодня днём она не знала, кто такой этот Гольцов, а в двадцать два без четверти этот самый Гольцов уже выходит из её квартиры. Шустрый электровеник эта журналистка Лариса!

Подлесный был настолько раздосадован, что даже уселся в машину и запустил двигатель. Через несколько секунд его здесь не будет, ни сегодня, ни когда-либо в дальнейшем.

Дмитрий промедлил с отъездом. Ладно, он зайдёт к ней, но участником конвейера не станет. Интересно посмотреть, в каком виде она его встретит. В смысле, в каком виде она провожала Гольцова.

На открывшей ему дверь Ларисе был короткий махровый халатик горчичного цвета.

— Привет! Ты пунктуален, — приветствовала его Лариса.

Бюстгальтера на ней, естественно, нет. И даже проверять нечего. Подлесный запустил руку под халатик — так и есть, и трусики отсутствуют.

— Решил сходу меня соблазнить? — польщённо проворковала Лариса и прильнула к Дмитрию.

Подлесный не ответил — трудно ему было говорить. Отстранив женщину, он прошёл в комнату и опустился в кресло.

— Что стряслось, Дима? Ты какой-то сам не свой, прямо. — Лариса присела около него и обеими руками обхватила его левую руку.

— Давай обойдёмся без неофициальной, как ты выражаешься, части, — поморщился Дмитрий. — Зачем ты хотела встретиться?

— Ну-у-у, Дима, — капризно протянула Лариса, — я так не могу. Ты разговариваешь со мной, как бы, через силу. Ты даже не смотришь на меня.

— А что же, без постели ты с мужиками вообще общаться не можешь? — с усмешкой спросил Дмитрий.

— Даю руку на отсечение, ты меня ревнуешь, — рассмеялась Лариса. — И к кому же, если не секрет?

— Давай оставим этот разговор! — с раздражением сказал ревнивец.

— Давай. Я тоже так думаю. Скажи мне лучше что-нибудь ласковое. Что соскучился, например.

— Перестань! Сядь вон в кресло!

— В кресло так в кресло. — Лариса оставила его в покое и с ногами забралась в кресло. — Так пойдёт?

— Да, — буркнул Дмитрий, упорно смотревший в потолок в течение всех тех неспешных секунд, пока Лариса усаживалась.

— Дима, объясни же, что случилось. Так себя ведут, когда ревнуют. Вы, мужики...

— Я знаю, что ты большой знаток мужиков! — перебил её Дмитрий. — Но, может быть, у нас найдётся другая тема для разговоров? А если других тем нет, то я пойду. Мне вставать рано. Я и так в последнее время постоянно не высыпаюсь!

— Знаешь, у меня есть полбутылки «Белого аиста»... — начала Лариса.

Подлесный опять её перебил, прибегнув на этот раз к откровенному сарказму:

— Не успели допить? А до одиннадцати-то успели бы, конечно? Прости, что помешал. А остальное? Остальное, надеюсь, в соответствии с установленным регламентом?

Лариса покивала.

— Понятно. Ты в курсе, что здесь был твой знакомый Гольцов.

— Теперь он уж скорее твой, чем мой, — язвительно заметил Подлесный. — У нас-то с ним так, шапочное, можно сказать, знакомство. Мне кажется, он даже и не пытался за мной ухаживать.

Лариса возмутилась:

— Неужели ты думаешь, что я со всеми напропалую? Да, был у меня период в жизни — это сразу после развода, — когда я как с цепи сорвалась. Я даже переболела нехорошей болезнью. Но потом я поняла, что это грязь, что, в общем... Ну, ты понимаешь. А мне ты понравился. Правда.

Трудный разговор закончился примирением. Потом Лариса и Дмитрий приняли ванну. Одновременно. Тесно не было, однако пол оказался залит водой достаточно сильно.

Узнал Подлесный и о содержании версии руководителей нефтяной компании «Заурнефть», которые были обвинены Броновым в попытке уничтожить его. По их мнению, значительная доля прибыли Даль-НГК, которая ранее находилась под контролем Среднерусской нефтяной компании, поступала одной из межрегиональных криминальных группировок. А когда Даль-НГК перешла под контроль «Заурнефти», то бандиты, лишившись значительной суммы денег и не получив отступного, стали предъявлять определённые требования к Бронову.

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ НЕУДАВШЕЙСЯ РОКИРОВКИ

Ни свет ни заря, в начале восьмого, Подлесного разбудил Зайков. Явился к Дмитрию и принялся выпрашивать машину.

— Я на работу устроился, — заныл он. — Я менеджером по продажам устроился, сказал, что у меня машина имеется. А без машины на эту работу не берут. Понимаешь? Только на сегодняшний день. А потом договорюсь с кем-нибудь.

— Тебе отдам, а сам с чем останусь? — пробовал возражать Подлесный.

— Димыч, будь другом. Я водку подрядился продавать. По торговым точкам. Я сказал, что с машиной, а не получилось. Один человек обещал, а сам куда-то смотался. Выручи, пожалуйста, Димыч! На один только денёчек! — умолял Зайков.

Подлесный, в конце концов, согласился, и Зайков, обрадованный, принялся уверять его, что за ним не заржавеет, что магарыч он подгонит, к тому же в виде самой лучшей водки, какая только у них там имеется. Подлесный, огорчённый собственной покладистостью, уснуть уже не смог.

В восьмом часу вечера Дмитрий возвращался домой из продовольственного магазина, когда мимо на его «восьмёрке» промчался Зайков. Подлесный свистнул и взмахнул рукой, однако Зайков его не заметил.

Подлесный входил во двор, огибая торец дома, в котором жил, когда ему навстречу быстрым шагом проследовал парень лет двадцати пяти с взволнованным веснушчатый лицом, одетый в светло-синие джинсы и клетчатую рубашку навыпуск. Около третьего подъезда кто-то кричал, какая-то женщина. Дмитрия охватила тревога, и он ускорил шаг.

— «Неотложку!» Вызовите «неотложку!» И милицию! — кричала женщина лет пятидесяти, обращаясь к кому-то с верхних этажей.

— Что случилось? — спросил Подлесный.

— Мужчину застрелили! Вон там, возле второго подъезда! — стала рассказывать женщина, взволнованно жестикулируя. — Он только из машины вышел, а тот к нему и подбежал. И захлопало. Я сразу-то и не поняла. Потом смотрю — этот парень бежит и лицо рукой прикрывает. Я глянула, а тот, который из машины-то вышел, в кровище весь! Да он ведь вам навстречу должен был выбежать! Убийца-то!

— Да, я видел парня с веснушками, — растерянно проговорил Подлесный.

Неужели Зайкова убили? За что? Дмитрий быстро проделал десяток шагов и тотчас понял, что он не ошибся. Тело Зайкова ещё конвульсировало, кровь буро-серой струйкой стекла к мостовой.

— Хоть бы «неотложка» поскорее приехала! — послышался за спиной голос женщины-свидетельницы. — А может, ещё живой, раз шевелится. Вы не подойдёте, не посмотрите?

Подлесный приблизился, взял левую руку уткнувшегося лицом в асфальт Зайкова и стал нащупывать пульс.

— Не знаю. Кажется, нет, — спустя полминуты сказал он, и тут увидел рану от огнестрельного ранения в затылке Зайкова с выбулькивающей из неё кровью. — Вряд ли он может быть жив. — Дмитрий указал на рану. — Контрольный выстрел в голову.

Позднее допрашивавший Подлесного следователь прокуратуры поднял взгляд от протокола допроса свидетеля и задумчиво произнёс:

— Не вас ли на самом деле хотели убить? Он на вашей машине приехал.

— Меня?! — вытаращил глаза Подлесный. Он был искренне изумлён высказанным следователем предположением. Несмотря на то, что на периферии его сознания уже, кажется, мелькала подобная мысль. — Но меня-то за что?

— А Зайкова было за что? — задал резонный вопрос следователь.

Подлесный в замешательстве пожал плечами.

— Да и его не за что. Менеджером по продажам устроился. Собирался водкой торговать. Он не предприниматель и не бандит. Ума не приложу, кому такое потребовалось.

На работу Дмитрий опоздал на целых полтора часа.

— Ты чего припёрся? — удивлённым возгласом встретил его напарник. — Тебя же, говорят, пристрелили. Или ты кого-то пристрелил.

— Да не меня, другого.

— Вместо тебя уже Илью прислали.

— И где же он? — Дмитрий огляделся.

— В гараж пошёл, сейчас будет. А ты позвони Миротинскому. Что он решит.

Подлесный так и сделал. Выслушав его, Миротинский сказал:

— Отдыхайте сегодня.

Случился неожиданный выходной. У него выходной, а Зайкова уже, возможно, вскрыли. Вспороли живот и грудную клетку, распилили череп. А что если и в самом деле хотели убить его, Дмитрия Подлесного? Зайков вышел из машины, в которой до сегодняшнего дня ездил он, и направился в подъезд, в котором, опять же, проживал он, Подлесный. В подобных условиях убийца очень даже мог ошибиться.

К тому же у них с Зайковым приблизительно одинаковая комплекция. Да оба они, можно сказать, среднего роста и среднего телосложения. И волосы у обоих — русые. У Зайкова, правда, нос покрупнее и глаза побольше. Вообще, конечно, за братьев они вряд ли сошли бы.

Может, и действительно убили того, кого и хотели убить? Зайков коммерцией, кажется, собирался заниматься. Не так давно он что-то всё бегал, какие-то проекты у него, вроде бы, были. Возможно, занял у кого-нибудь крупную сумму денег, а вернуть не смог.

Подлесный успокаивал себя, но тревога не проходила. Зайкова, как представляется, убивать было не за что. А за что убивать его, Подлесного? Он-то кому мог перейти дорогу? Перед кем он мог так провиниться, чтобы именно ему были предназначены три пули в грудь да ещё одна в голову в виде контрольного выстрела?

Подлесный отправился к Бояркиной домой и рассказал ей о случившемся.

— Да нет, это не тебя хотели пришить, — попыталась успокоить его Бояркина. — Это сам Зайков, наверно, куда-нибудь влез. Что уж ты сразу-то?..

— А вот у меня такой уверенности нет, — ответил Подлесный. Не было, он видел, подобной уверенности и у Бояркиной. — Он был на моей машине и около моего дома. И фигуры у нас с ним не сильно-то уж и различаются.

Марина задумалась, потом посоветовала:

— Ты уж будь поосторожней.

— Как ты себе это представляешь? Я ведь не Бронов. Это Бронов может спрятаться на даче и окружить себя тройным кольцом охраны. И всё равно не может быть уверенности, что его не уничтожат.

Произнеся последнюю фразу, Подлесный прикусил язык — что это он разболтался? Но Бояркина, к счастью, не придала его словам значения.

— Зайкова, возможно, спутали с кем-то, — высказала она предположение. — С кем-то, но не с тобой. Разве такое не случается? По телевизору во всяких там «патрулях» и «дежурных частях» говорили неоднократно. Может быть, у тебя в подъезде живёт какой-нибудь крутой мэн.

— Который ездит на «восьмёрке» дореволюционного года выпуска, — кивнул Дмитрий.

— Не все же, кто попадают под пули наёмных убийц, на джипах ездят, — не согласилась Марина.

Подлесный и Бояркина поговорили ещё некоторое время и расстались. Напоследок они обсудили и вопрос о смене места жительства, однако Подлесный сказал, что пока воздержится от данного шага.

По пути домой Дмитрий вспомнил, как он свистел и размахивал руками, пытаясь остановить проезжавшего мимо Зайкова. Заметь его тогда Зайков и остановись, они поменялись бы местами. И нынешний покойник отправился бы к станции метро пешком или на автобусе, а лично он уселся бы в «восьмёрку», чтобы возле своего подъезда выйти из неё и получить четыре пули от веснушчатого киллера.

Слава Богу, в детстве он так и не научился свистеть громко и пронзительно. А ведь учился, помнится, многократно и старательно. Немало грязи с пальцев его рук перекочевало, думается, к нему в желудок в те времена.

Да, несомненно, они поменялись бы местами. Зайков остался бы жить, а он отправился бы к праотцам. Если, конечно, не подлежал устранению именно Зайков, а не Подлесный. Да и кому, в самом-то деле, может быть нужна его смерть? Он, как ему представлялось, отнюдь не относится ни к одной из категорий, представителей которых принято уничтожать посредством наёмных убийц, пусть даже и конопатых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.